

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ ¹⁾.

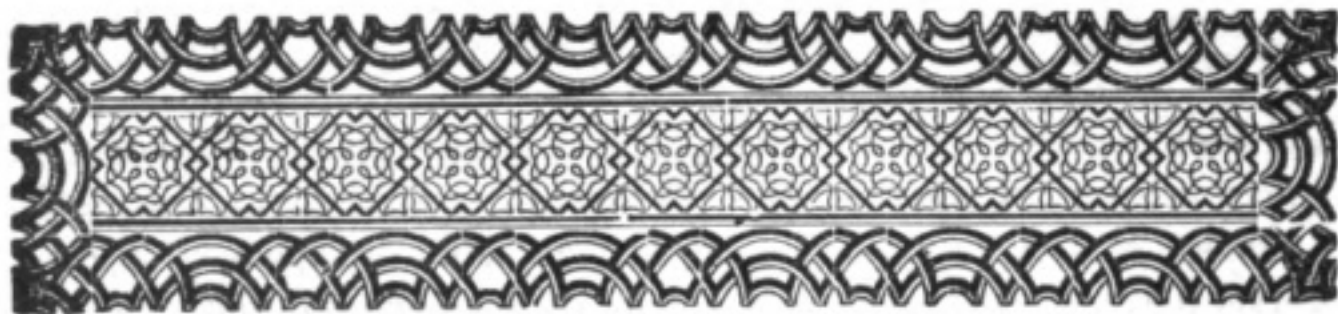
(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Туть мнѣ представился случай познакомиться съ хористами, что въ суетливое время моихъ дебютовъ и необыкновенно продолжительныхъ представлений, послѣ 4-го апрѣля, было невозможнымъ.—Всѣ переутомлялись до крайности и только думали, какъ бы скорѣе добраться до дому.—Нѣкоторыя изъ хористовъ были необыкновенно симпатичны; выдѣлялась Некрасова; она принадлежала къ 1-му разряду; держала себя съ достоинствомъ и тактомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ я убѣдилась, что она была вполне порядочная и заслуживала уваженіе.

Особенно привлекла мое вниманіе одна хористка 3-го разряда; очень застѣнчивая, необыкновенно худая, съ грустнымъ выраженіемъ лица, съ глубокими, полными скорби глазами. Я съ ней скоро познакомилась и очень ее полюбила. На страстной недѣлѣ, когда наше время было все свободно отъ репетицій и спектаклей, я исполнила свое и ея желаніе посѣтить ее. Она жила на Садовой, за Красными воротами, въ маленькомъ ветхомъ домикѣ, въ мезонинѣ, къ которому вела развалившаяся деревянная наружная лѣстница. Въ мезонинѣ была единственная комната. Въ ней помѣщались больная пожилая мать, горбатая, тоже къ труду неспособная сестра,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ ¹⁾.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Туть мнѣ представился случай познакомиться съ хористами, что въ суетливое время моихъ дебютовъ и необыкновенно продолжительныхъ представлений, послѣ 4-го апрѣля, было невозможнымъ.—Всѣ переутомлялись до крайности и только думали, какъ бы скорѣе добраться до дому.—Нѣкоторыя изъ хористовъ были необыкновенно симпатичны; выдѣлялась Некрасова; она принадлежала къ 1-му разряду; держала себя съ достоинствомъ и тактомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ я убѣдилась, что она была вполне порядочная и заслуживала уваженіе.

Особенно привлекла мое вниманіе одна хористка 3-го разряда; очень застѣнчивая, необыкновенно худая, съ грустнымъ выраженіемъ лица, съ глубокими, полными скорби глазами. Я съ ней скоро познакомилась и очень ее полюбила. На страстной недѣлѣ, когда наше время было все свободно отъ репетицій и спектаклей, я исполнила свое и ея желаніе посѣтить ее. Она жила на Садовой, за Красными воротами, въ маленькомъ ветхомъ домикѣ, въ мезонинѣ, къ которому вела развалившаяся деревянная наружная лѣстница. Въ мезонинѣ была единственная комната. Въ ней помѣщались больная пожилая мать, горбатая, тоже къ труду неспособная сестра,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

и кормилица семьи—хористка. Комната могла имѣть 4 аршина въ квадратѣ; освѣщалась полукруглымъ окномъ; отоплялась русской печкой, а такъ какъ ни кухни, ни плиты не было, обѣдъ готовился тутъ же. Было холодно и сыро; отъ окна страшно дуло; я спросила, почему не топлено; она откровенно мнѣ сказала, что за недостаткомъ дровъ печь топятъ только въ большіе морозы, и что по этой причинѣ онѣ большею частью довольствуются холодной пищей. Хористка эта получала 11 р. (одиннадцать рублей) жалованія въ мѣсяць и то, что давалъ ей бенефисъ, доходъ съ котораго дѣлился тоже по разрядамъ. Желала бы имѣть перо писателя-художника, чтобы описать тотъ ужасъ, который переполнилъ мое сердце при видѣ этой печальной картины! Болѣзнь, холодъ, черная нужда и съ этимъ полная покорность судьбѣ. Несмотря на ихъ тяжелое положеніе они, имѣли неопѣвненное счастье—любовь, связывающую эти три существа. Дочери боготворили мать и нѣжно и дружно за ней ухаживали. Фамилія хористки была Михайлова. Пусть читающій эти строки вѣрить, что, несмотря на долгіе годы, отдалившіе тяжелыя воспоминанія, я плачу и скорблю душой, что я такъ мало могла для нихъ сдѣлать. Незабвенная Евгенія Владиміровна Васильчикова, по моей просьбѣ, навѣщала ихъ, нашлись еще и другіе благотворители, которые намъ помогали, но все это было такъ ничтожно. Прослуживъ съ ними одиннадцать лѣтъ, я считаю себя въ правѣ коснуться этихъ воспоминаній. При прощаніи весной, я не выдержала и просила управляющаго конторой обратить вниманіе на бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ хористокъ. Г. Пельтъ сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, мотивируя отказъ недостаткомъ средствъ; прибавивъ, что такихъ Михайловыхъ много, что она могла совсѣмъ не быть принятой на службу, и что я напрасно беспокоюсь.

Неужели царскіе слуги не имѣли болѣе права на вниманіе непосредственнаго начальства, которому вмѣнялось въ обязанность заботиться о своихъ подчиненныхъ!

Первое представленіе „Русалки“ сошло очень удачно. Даргомыжскій погостилъ тогда долго въ Москвѣ, но несмотря на общее желаніе дирижировать оперой не рѣшился.

27 октября дебютировала въ оп. Обера, „Фра-Діаволо“ ея превосходительство, Александра Григорьевна Меншова. У нея былъ феноменальный голосъ, но при дебютѣ она обнаружила полное отсутствіе какой-бы-то ни было школы; пѣла она съ сильнымъ цыганскимъ пошибомъ и такими пріемами, которыхъ на сценѣ никогда не приходилось ни видѣть, ни слышать. Въ вечеръ ея дебюта г-жа Александрова сидѣла въ ложѣ бенуара съ своей семьей,

мы тоже имѣли ложу бенуара и могли видѣть, какъ неудержимо она смѣялась съ братомъ надъ дебютанткой,—и дѣйствительно, было смѣшно; но въ театрѣ нельзя такъ откровенно выражать свои восторги и порицанія: результатомъ этого было то, что г-жу Александрову вызвали въ театральную контору, гдѣ ей былъ сдѣланъ строгій выговоръ за безтактное отношеніе къ товарищамъ, такъ какъ г-жа Меншова уже принята на Императорскую сцену.

И себѣ позволила описать не совсѣмъ удачный дебютъ г-жи Меншовой потому только, что могу о ней сказать еще и другое. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ее узнать было трудно; оставивъ всѣ свои приемы, которые такъ сильно не понравились при дебютѣ она стала пѣть правильно, а ея феноменальный чудный голосъ сталъ звучать еще лучше: въ концѣ перваго сезона она завоевала себѣ симпатіи публики и стала украшеніемъ нашей сцены.

Въ октябрѣ 1867 года дебютировалъ давно желанный драматическій теноръ г. Орловъ. Ему было тогда 25 лѣтъ. При весьма счастливой наружности, онъ обладалъ очень хорошимъ голосомъ. Конечно, при дебютѣ, онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлало его время, трудъ и опытъ, но тогда онъ уже много общалъ, а дебютъ въ оперѣ „Жизнь за Царя“ былъ удачнымъ началомъ его славной карьеры, которую онъ впоследствии продолжалъ и закончилъ на Маріинской сценѣ.

Этимъ дебютомъ завершилось составленіе нашей труппы. Ежели прибавить къ выше поименованнымъ артистамъ имена трехъ компримарій: г. Анненскую, превосходную музыкантшу, могущую всегда съ успѣхомъ замѣнить безъ репетиціи любую изъ нашихъ примадоннъ, прелестное сопрано г. Турчанинову и симпатичное меццо-сопрано госпожу Иванову, можно утверждать, что составъ труппы по качеству голосовъ былъ весьма удовлетворительный. Могу смѣло съ гордостью завѣрить, что квартеты 2-го акта оп. „Жизнь за Царя“ исполнялись идеально, и что никогда подобнаго исполненія не пришлось слышать даже и послѣ. Только дирекція того времени не сумѣла использовать эти новыя, молодыя силы, желающія только трудиться и прогрессировать. Что больше всего возмущало насъ, это полнѣйшее равнодушіе начальства къ русскому искусству; разъ пѣвецъ русскій, въ ихъ глазахъ, какъ артистъ и даже какъ человѣкъ, онъ ничего не стоилъ. Забѣгу впередъ и расскажу инцидентъ, имѣвшій мѣсто немного позднѣе, характеризующій отношеніе дирекціи къ намъ, русскимъ артистамъ Императорскаго театра. Временно нашъ чудный театръ, стѣны котораго даже намъ были дороги, былъ сданъ частному антрепренеру Мерелли. Были приглашены г-жа Арто, очень популярная, хорошая пѣвица, хотя только

провинціальная, и рядомъ съ ней три пѣвички, госпожи: Ферручи, Сарольто и Бернарди, всѣ три очень хорошенькія, но не имѣющія права на званіе артистокъ и пѣвицъ.—Одна изъ нихъ славилась какъ обладательница великолѣпныхъ брилліантовъ. Въ „Травіатъ“ она ими щегольнула, но успѣхъ получился отрицательный; такихъ пѣвицъ даже въ кафе-шантанахъ нельзя допустить. Русскіе артисты репетировали „Рогнѣду“, на репетицію насъ пригласили въ половинѣ десятаго, такъ какъ потомъ должны были репетировать итальянцы, а эти дамы рано вставать не могли, значить, насъ потребовали рано. Сцена принадлежала русскимъ артистамъ до 12 часовъ. Репетиція была въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ явился сторожъ неожиданно и смѣло объявилъ, что мы должны удалиться, потому что надо сцену мести до итальянской репетиціи. Всѣ пѣвцы переглянулись и кто куда начали уходить въ кулисы; несмотря на поливку сцены, пыль поднялась сильная; видя, что директорская ложа открыта и что въ ней усѣлись три пѣвицы: Ферручи, Сарольто и Бернарди, я нашла возможнымъ взойти въ ложу, чтобы избѣжать удушливой атмосферы; хочу отворить дверь, какъ вдругъ рука сторожа, въ формѣ солдата съ нашивками, заслоняетъ мнѣ дверь и тихо, довольно почтительно говоритъ: „Вамъ здѣсь нельзя сидѣть; не приказано пускать русскихъ артистовъ“.—Конечно я не возражала; понятно было, что сторожъ тутъ ни при чемъ; повернула назадъ и направилась въ уборную, которая была наверху.

На лѣстницѣ передо мной выросла колоссальная фигура князя Юрія Голицына; удивленный, онъ спрашиваетъ: „кончилась ли репетиція Рогнѣды“. Я отвѣчала, что не знаю, и рассказываю весь этотъ возмутительный инцидентъ. Въ ярости, выраженію которой способствовала львиная, величественная фізіономія князя, онъ схватилъ обѣ мои руки и почти крича сказалъ: „и вы молчите!?“

Да, мы молчали, покорно молчали, понимая отлично, что жаловаться намъ было векому.

Когда меня вызвали первый разъ въ театральную контору, для подписанія моего контракта, я поразила обширностью и количествомъ залъ, занимаемыхъ этимъ учрежденіемъ. Масса чиновниковъ въ вицъ-мундирахъ сновали взадъ и впередъ съ фоліантами подъ мышкой, стремились быть допущенными для докладовъ къ управляющему, находящемуся въ концѣ анфілады въ помѣщеніи своего „кабинета“. Вотъ, подумала я, какое это колоссальное дѣло; сколько придется поработать для общаго блага.—Такъ только казалось, а въ сущности хищенія г. Н. всѣмъ были извѣстны, а всѣ молчали!

Когда мнѣ пришлось быть въ конторѣ Ковентъ-Гарденскаго

театра, меня поразила противоположная обстановка; а именно, простота, съ которой велось дѣло, дающее ежедневно отъ 35 до 40.000 фр. дохода съ представленій итальянской оперы. Прямо, съ тротуара входили въ преддверіе театральной конторы; комнатка могла имѣть 3 арш. въ квадратѣ; вся обмѣблировка состояла изъ высокой конторки (пюпитра), при ней стоялъ высокій табуретъ, обтянутый кожей; на стѣнѣ одна полка; еще два, три стула. Направо отъ пюпитра окно, налѣво дверь, завѣшанная тяжелой портьерой. За этой занавѣсью была комната директора театра Джан. Эти двѣ комнаты вполнѣ удовлетворяли, а два лица: директоръ и его помощникъ г. Гаррисъ, орудовали всѣмъ колоссальнымъ дѣломъ.

Въ это время въ Петербургѣ лучшей учительницей пѣнія считалась г. Ниссенъ Саломонъ; ученица знаменитаго Гарчія, соученица его дочерей г.г. Малибранъ и Віардо, имѣла нѣкоторую репутацію, какъ пѣвица за границей; директоромъ театра въ Петербургѣ былъ Гедеоновъ 1-й. Итальянская опера была тогда въ самомъ блестящемъ періодѣ. Были приглашены лучшіе артисты Европы. Первое мѣсто занимала г-жа Віардо; между прочими была приглашена г-жа Ниссенъ. Небольшого роста, очень некрасивая, она не могла рассчитывать на внѣшній успѣхъ, но, обладая большимъ, хорошо обработаннымъ голосомъ, имѣя отличную итальянскую школу, она должна была имѣть заслуженный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что госпожа Віардо ее очень поддерживала, кажется даже, что по ходатайству этой знаменитой пѣвицы г-жа Ниссенъ получила приглашеніе въ Петербургъ. По пріѣздѣ она явилась къ директору театра Гедеонову; онъ принялъ ее слѣдующими словами: „зачѣмъ вы сюда пріѣхали?“ Сконфуженная пѣвица отвѣчаетъ, что она приглашена пѣть въ итальянской оперѣ. Удивленный директоръ смотритъ на нее въ упоръ и рѣзкимъ тономъ говоритъ: „какъ еѣ такой фигурой и съ такимъ лицомъ вы думаете показываться на первой сценѣ Европы!?“ Г-жа Ниссенъ не растерялась и отвѣтила спокойно: „я пріѣхала сюда не показываться, а пѣть“. Гедеоновъ смутился и прекратилъ свиданіе. Въ результатѣ получилось то, что г-жа Ниссенъ ни разу не выступала до половины сезона.—Случилось, что г-жа Віардо заболѣла и не могла пѣть Севильскаго Цирюльника; дирекція затруднялась и не знала, что дѣлать. Тогда г-жа Віардо предложила г-жу Ниссенъ, могущую ее замѣнить безъ репетиціи. Успѣхъ былъ полный; г-жу Ниссенъ стали знать, приглашать пѣть къ концертамъ въ Дворянскомъ собраніи и при Дворѣ. Классическую музыку она исполняла превосходно и, не получая приглашеній въ театры, она осталась превосходной концертной пѣ-

вицей. 30 лѣтъ спустя, она пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ была въ продолженіе многихъ лѣтъ первымъ профессоромъ пѣнія. Ея лучшія ученицы были: Ирецкая, Раабъ, Левицкая, Лавровская, Каменская, Панаева и многія другія. Г-жа Ниссенъ была приглашена профессоромъ въ консерваторію; кромѣ того у нея было много ученицъ высшаго общества; она имѣла честь давать уроки дочери Великой Княгини Елены Павловны, понятно почему ей было легко добиться желанной цѣли—принятія оперы ея мужа г. Ниссенъ Саломонъ, для Императорской сцены. Въ Петербургѣ не нашли возможнымъ поставить эту длинную, никому не нужную оперу, а потому было приказано ея сплавить въ Москву. Передъ самымъ отъѣздомъ за границу я получила свою роль; такимъ образомъ, я не имѣла возможности даже поверхностно ознакомиться съ этимъ произведеніемъ; только по пріѣздѣ въ Баденъ-Баденъ, я узнала, какое удовольствіе меня ожидало. Заглавіе оперы „Карпатская Роза“; оригинальный текстъ нѣмецкій, но переводчикъ не позаботился согласовать слова съ музыкой; каково же было мое удивленіе увидѣть, что со всякой строки свѣшивались бахрамой лишнія слова.—Мною овладѣла досада, доходящая до отчаянія. Конечно, я была въ правѣ не разучивать роли съ безтолковымъ, неправильно переведеннымъ текстомъ, но, предвидя, что опера должна пойти, и что ее намѣреваются дать раннею осенью, я собралась съ духомъ и чтобы быть готовой, къ началу сезона, передѣлала всю свою огромную роль. Стоило это большого труда; текстъ былъ прилаженъ, но лѣтній мой отдыхъ былъ потерянъ. По пріѣздѣ въ Москву узнала, что всѣ артисты затрудняются и не знаютъ, какъ быть. Пріѣхалъ композиторъ; буквально бѣдняга терялъ голову. Дирекція же оставалась абсолютно безучастной къ общему смятенію. Репетицій было безъ конца; мнѣ приходилось помогать всѣмъ улаживать слова, стараясь сохранить смыслъ. Первое представленіе было дано для бенефиса г-жи Александровой. Опера требовала сокращеній, но композиторъ, влюбленный въ свое произведеніе, и слышать о купюрахъ не хотѣлъ, а потому, къ всеобщему переутомленію, представленіе затянулось за полночь. Съ текстомъ артисты не ознакомились; никто не зналъ, почему „Карпатская Роза“!? при чемъ тутъ цыгане, разбойники, придворные люди въ костюмахъ Людовика XIV съ напудренными париками, въ расшитыхъ золотомъ камзолахъ, при шпагахъ, словомъ, ужасная чепуха.

Публика негодовала, остряла; переименовала карпатскую въ арбатскую, а розу замѣнила, ежели не взятымъ, то очень популярнымъ русскимъ словомъ. Оперу дали 8 разъ, съ очень незначительными сборами и сняли, навѣкъ, съ репертуара. Немного

лучше была участь оперы г. Кашперова, на сюжетъ „Гроза“ Островскаго; но тутъ всѣ понимали, о чемъ говорили, и крайне знакомые, родные мотивы, заставляли мириться со слабостью произведенія. Оперу дали нѣсколько разъ и очень скоро сдали въ архивъ.

Пришла очередь г. Чайковскаго, который выступилъ какъ оперный композиторъ, первый разъ, въ оперѣ „Воевода“. Дирекція, вѣрная себѣ, даже для этого талантливаго композитора ничего не сдѣлала, чтобы мало-мальски сносно поставить его первую оперу. Помню какой-то домикъ, стоящій на самой серединѣ сцены; архитектура не то швейцарская, не то русская; балконъ находится подъ самой крышей, а когда воевода (Финоки, итальянецъ, не владѣющій русскимъ языкомъ), въ страстномъ порывѣ, въ погонѣ за своей возлюбленной, поднялся на лѣстницу къ балкону, то его поясъ приходился выше крыши домика. Опера успѣха не имѣла, г. Чайковскій потребовалъ партитуру обратно и сжегъ ее.

По контракту я имѣла право на ежегодный бенефисъ; не знаю, почему на этотъ первый годъ (66—67) моего служенія въ русской оперѣ никто объ этомъ не позаботился; даже я не обратила вниманія на это упущеніе. Когда насталъ конецъ сезона, не оказалось возможнымъ поставить подходящей оперы, а потому пришлось мнѣ предложить дирекціи удовлетворить меня деньгами, въ размѣрѣ 2 000 р. Изъ Петербурга было прислано разрѣшеніе официальной бумагой, въ которой значилось: „за превосходный голосъ г. Онноре, за ея талантъ и особенно усердную службу выдать, въ замѣнъ представленія, 1.500 р.“.—Дешево тогда цѣнились наши таланты.

Опытъ заставилъ меня озаботиться самой о моемъ бенефисѣ на 1868 г. Было разрѣшено возобновить Руслана, который съ 35 г. не шелъ на московской сценѣ.—Я никогда не слыхала Руслана и стала разучивать роль Ратмира съ нѣкоторымъ недоверіемъ къ себѣ,—опасаясь всегда слишкомъ низкихъ партій. Не мало заботилъ меня костюмъ; въ московской дирекціи, положительно, никто совѣта дать не могъ. Сѣтовъ сообщилъ мнѣ, что въ Петербургѣ было предложено г. Шарлеманъ придумать костюмъ для Ратмира. Г. Шарлеманъ дѣйствительно нарисовалъ акварелью изображеніе хозарскаго князя, въ богатомъ, эффектномъ костюмѣ, не имѣющаго ничего общаго съ вѣроятнымъ восточнымъ костюмомъ. Получился очень яркій образъ принца изъ міра сказокъ—„un prince charmant“, въ золотой каскѣ, съ бирюзовыми инкрустаціями, украшенной страусовыми бѣлыми перьями; все это было очень красиво, но совершенно нелѣпо.

Всѣ артисты отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ своимъ ро-

лямъ, репетицій было сдѣлано очень много; послѣднія затягивались до половины шестого, такъ что мы должны были обѣдать въ театрѣ, чтобы не опаздывать на спектакли, которые шли, конечно, своимъ порядкомъ. Вообще, время это было очень трудное; пѣвцы переутомлялись, а смѣнить насъ было некому. Случилось такъ, что мнѣ пришлось пѣть 14 спектаклей въ девять дней.

Первое представленіе Руслана сдѣлало полный сборъ. Всѣ ложи были заняты очень нарядной публикой; была мною послана ложа—бель-этажа профессорамъ консерваторіи, и Рубинштейнъ, Лаубъ, Ларошъ, Чайковскій очень усердно аплодировали, присоединяясь къ общему настроенію. Когда Ратмиръ вышелъ на сцену во 2-мъ актѣ вся публика тепло, долго выражала свое одобреніе и, конечно это былъ для меня одинъ изъ счастливыхъ моментовъ жизни!—Такъ какъ у насъ только было три русскихъ оперы въ репертуарѣ, а Русланъ не могъ итти такъ часто, то опера „Жизнь за Царя“ заняла опять свое мѣсто и ее давали постоянно. Изъ Петербурга сдѣланъ былъ запросъ: почему такъ часто даютъ „Жизнь за Царя?“ Не знаю, что могла тогда сказать московская дирекція на этотъ наивный вопросъ, но теперь я смѣло могу отвѣтить.

Давали оперу такъ часто потому, что въ Москвѣ въ первый разъ исполнялась она во всѣхъ роляхъ хорошими русскими пѣвцами, имѣющими молодые, богатые голоса, поощренными небывалымъ успѣхомъ, одушевленными патриотическимъ подъемомъ, усиленно вызваннымъ событіемъ 4 апрѣля, и что, несмотря на частыя повторенія, сборы были всегда полные. Въ это время замѣчался также наплывъ провинціаловъ, желающихъ послушать оперу въ такомъ составѣ, а главная причина была та, что, повторяя безъ конца ту же самую оперу, безъ всякихъ репетицій, московская дирекція могла покойно почивать безъ заботъ о новыхъ постановкахъ, на которыя, впрочемъ, петербургская дирекція средствъ не давала.

1868 г. былъ самый блестящій моей карьеры; онъ закончился инцидентомъ, который умѣстно описать здѣсь, какъ образецъ самоуправства власть имѣющихъ и безцеремоннаго ихъ обращенія съ публикой и артистами.

Тогда оперныя представленія прекращались на весь великій постъ. Для послѣдняго представленія на масленицѣ въ этомъ году дали опять-таки „Жизнь за Царя“; театръ былъ переполненъ; всѣ артисты имѣли шумный успѣхъ, но сказать было нельзя, чтобы аплодировали и вызывали больше, чѣмъ обыкновенно; но случилось такъ, что генераль-губернатору надо было куда-то ѣхать, потому онъ желалъ скорѣйшаго окончанія спектакля. Помощникомъ

градоначальника тогда былъ полковникъ Поль; онъ сидѣлъ въ партерѣ на своемъ мѣстѣ; губернаторъ ему сдѣлалъ знакъ, приказывающій усмирить восторги молодежи. Поль отправился на верхъ предложить студентамъ прекратить вызовы, но это ему не удалось, стали аплодировать и вызывать сильнѣе; тогда было приказано арестовать болѣе шумящихъ студентовъ; ихъ удалили изъ театра и препроводили въ тверскую часть, гдѣ они и провели ночь. Полиція подала на нихъ жалобу мировому судѣ „за скандалъ въ Большомъ театрѣ“. Ихъ присудили къ уплатѣ 25 руб. каждому, или аресту на три дня.

Я, конечно, не могла знать, что происходило въ театрѣ, и только когда всѣ газеты въ своихъ передовыхъ статьяхъ стали порицать дѣйствія полиціи, я узнала подробности этого возмутительнаго дѣла.—Оставаться равнодушной мнѣ было невозможно.—Интересна была статья Аксакова въ его газетѣ „Москва“, которая просуществовала только нѣсколько мѣсяцевъ; онъ горячо заступился за студентовъ; говорилъ, что они выражали свой восторгъ любимой артисткѣ, а опера „кажется, не возбуждающаго содержанія. Можетъ быть талантъ г. Оннорé не нравится полиціи“ и такъ далѣе.

Узнавъ адресъ одного изъ пострадавшихъ, я написала ему письмо, выражая свое огорченіе, что они пострадали за меня, и предложила внести деньги за нихъ.

Очень симпатичнымъ, коллективнымъ письмомъ они мнѣ отвѣтили, что никогда не откажутся отъ удовольствія выразить мнѣ свой восторгъ, а деньги они принять не могутъ ужь потому, что ими подана кассационная жалоба въ мировой съѣздъ.

Студенты были оправданы, а полицію присудили къ уплатѣ имъ по 25 руб. каждому, за оскорбленіе, безпокойство и убытки. Много объ инцидентѣ говорили въ продолженіе всей первой недѣли поста, газеты читались всѣми.

Въ этомъ году былъ голодъ въ Финляндіи; было приказано дать въ Большомъ театрѣ концертъ для пострадавшихъ отъ бѣдствія. День назначили: понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста; имъ должны были открыть концертный сезонъ.

Выборъ для всякаго концерта очень труденъ, а въ данномъ случаѣ выбрать подходящую вещь было еще труднѣе. Я вспомнила драматическую сцену соч. Доницетти, написанную имъ съ французскимъ текстомъ. Я остановилась на этомъ выборѣ, но французскій текстъ меня смущалъ; могли не всѣ понять слова. Сцена эта потрясающая: Мать и Дитя (*la mère et l'enfant*), но иностранный текстъ могъ не нравиться: тогда я рѣшилась на смѣлый шагъ; зная лично Островскаго, я его попросила перевести поэму на рус-

скій языкъ, съ особенно ласковой простотой онъ согласился. Съ благоговѣніемъ сохраняю драгоценную рукопись, по которой исполняла эту глубокодраматическую вещь.

М а т ь и Д и т я.

переводъ съ французскаго Островскаго, музыка Доницетти.

Земля покрыта бѣлымъ кровомъ,
 Кругомъ снѣгъ хлопьями валить,
 Морозомъ скованный суровымъ,
 Застылый источникъ молчить.
 Земля замираетъ подъ ярмомъ холоднымъ,
 Въ избушкѣ убогой, одна, съ сынкомъ голоднымъ
 И съ горячей мольбой въ устахъ:
 Хлѣба, хлѣба! дайте мнѣ хлѣба.
 Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ;
 Спасите насъ ради неба,
 Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ!
 Рада бѣ помочь тебѣ въ мученьяхъ,
 Мѣры нѣтъ для моей любви,
 Но трудъ безмѣрный вѣчной работы
 Загубилъ всѣ силы мои.
 Съ сердцемъ разбитымъ
 Вижу твои страданія,
 И у прохожихъ прошу подаванія,
 Да, тебѣ, мой родной, дрожащей рукой
 Прошу хлѣба!
 Никто, никто меня не слышитъ,
 Мой крикъ, мой стонъ погибъ среди тьмы,
 Ахъ, дитя мое, едва-ли дышитъ,
 Не доживешь до завтра ты.
 Ахъ, хлѣба, хлѣба, дайте мнѣ хлѣба:
 Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ,
 Ахъ, дитя мое!

19-го февраля, ровно черезъ недѣлю послѣ ареста и двойного суда надъ студентами, назначенъ былъ концертъ для голодающихъ финляндцевъ.—Залъ нашъ принялъ торжественный видъ. Въ подобныхъ случаяхъ залъ нивелировался; получалось грандіозное помѣщеніе.—Въ концертѣ принимали участіе всѣ артисты. Оперный и балетный оркестръ, хоръ, драматическіе артисты и всѣ оперные пѣвцы. Вся сцена была занята участвующими. Освѣщеніе полное;

а въ залѣ не было ни одного пустого мѣста. Программа состояла изъ пѣнія гимна, декламации артистовъ Малаго театра, солистовъ обонхъ оркестровъ и оперныхъ пѣвцовъ.—Входили съ глубины зала.

Концертъ начался гимномъ, который повторили три раза; потомъ декламировали драматическіе артисты, пѣла г-жа Александра, Меньшова и другіе; когда пришла моя очередь, и я вышла на сцену, вся публика демонстративно встала, какъ въ ложахъ, такъ и въ партерѣ. Сѣтовъ взглянулъ на часы, чтобы знать, сколько времени будутъ аплодировать, т. к. всѣ, дружно, какъ одинъ человекъ, стали аплодировать; никто не кричалъ. Аплодисменты продолжались *17 минутъ*;—понемногу стихало—и сейчасъ же, съ удвоенной силой, начиналось снова.

Островскій сидѣлъ въ первыхъ рядахъ, съ видимымъ интересомъ и удовольствіемъ слѣдилъ за демонстраціей. Когда наконецъ я могла начать пѣть, то не дается описанію восторгъ безъ того особенно настроенной публики. Буквально всѣ плакали. Конечно, биссировали, и тогда я спѣла по-французски—получился одинаковый успѣхъ.

Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ г. Чайковскій говоритъ, что я пѣла безъ особеннаго чувства!—Спрашивается, можно ли достичь подобнаго результата безъ особеннаго внутренняго чувства. Эверарди, пріѣхавшій для своего концерта, встрѣтилъ моего мужа въ театрѣ и сказалъ: „on m'a dit que M-e Honnoré a fait pleurer toute la salle hier“.

И. Оннорé.

(Продолженіе слѣдуетъ).

